

RU

Церковные суды в тюдоровской и раннестюартовской Англии: положение и юрисдикция

Лазарев С. С.

Аннотация. Цель исследования - определить положение церковных судов в тюдоровской и раннестюартовской Англии. В статье особое внимание уделено изучению предметной юрисдикции церковных судов в этот период по основным видам правоотношений на основе разнообразной источниковой базы и современных исследований. Научная новизна заключается в том, что впервые в отечественной медиевистике комплексно изучена предметная юрисдикция английских церковных судов в XVI - начале XVII века. В результате доказано, что в тюдоровской и раннестюартовской Англии церковные суды оставались эффективной системой судопроизводства, смогли расширить собственную юрисдикцию и были плотно интегрированы в структуры повседневной жизни общества.

EN

Ecclesiastical Courts in Tudor and Early Stuart England: Position and Jurisdiction

Lazarev S. S.

Abstract. The purpose of the study is to determine the position of ecclesiastical courts in Tudor and Early Stuart England. The article pays special attention to subject-matter jurisdiction of ecclesiastical courts in that period according to the main types of legal relations on the basis of a diverse source base and modern research. Scientific novelty lies in the fact that for the first time in the Russian medieval studies, subject-matter jurisdiction of the English ecclesiastical courts in the XVI - early XVII century was comprehensively investigated. As a result, it is proved that ecclesiastical courts remained an effective system of judicial proceedings in Tudor and Early Stuart England, they were able to expand their own jurisdiction and were closely integrated into structures of the society's everyday life.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена возрастающим вниманием к деятельности церковных судов в XVI – начале XVII века. Долгое время исследователи считали, что в тюдоровской и раннестюартовской Англии церковные суды находились в упадке, а их авторитет и престиж был подорван. Эти выводы не были лишены логики. Действительно, в ходе королевской Реформации пал авторитет Католической церкви, был осуществлен роспуск монастырей и установлен запрет на преподавание канонического права, что не могло не отразиться на деятельности церковных судов. Но уже с конца XX века исследователи начали подвергать ревизии этот историографический стереотип. Таким образом, актуальность исследования определяется переосмыслением идеи о положении и влиянии церковных судов на английское общество в XVI – начале XVII века.

Для достижения указанной цели необходимо решить следующие задачи: во-первых, охарактеризовать развитие британской историографии о деятельности церковных судов в тюдоровской и раннестюартовской Англии; во-вторых, проанализировать положение церковных судов в данный период; в-третьих, изучить предметную юрисдикцию церковных судов по основным видам правоотношений: десятина, завещания, диффамация и семейно-брачные вопросы.

В данной статье применяются следующие методы исследования: принцип историзма, системный и комплексный подходы к анализу церковных судов как историко-социального института. Для изучения активности церковных судов был применен статистический метод.

Теоретической базой исследования послужили работы как зарубежных историков Р. Б. Аутэйта [20], М. Ингрэма [15], Р. Х. Хельмгольца [10], так и отечественной исследовательницы А. А. Паламарчук [2], в которых рассматриваются различные аспекты церковной юрисдикции в тюдоровской и раннестюартовской Англии.

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы как в научно-исследовательской работе для дальнейшего изучения английской правовой истории, так и в педагогической деятельности для улучшения образовательного процесса по курсам социально-политической и правовой истории раннего Нового времени.

Деятельность церковных судов: от историографического стереотипа до ревизии идей

Британская историография о деятельности церковных судов в XVI – начале XVII века долгое время основывалась на пуританской точке зрения, согласно которой церковные суды были не способны воздействовать на мораль и нравы английского общества. После гражданской войны 1640-х гг. пуритане пропагандировали идею о том, что церковные суды были рассадником распространения папистской ереси и удобным средством усиления единоличного правления короля. Кроме того, критически оценивали деятельность юристы общего права, которые были лично заинтересованы в том, чтобы ограничить церковную юрисдикцию. Впоследствии идея о неэффективности и непопулярности церковных судов в тюдоровской и раннестюартовской Англии прочно укрепилась в английском историческом сознании.

Ещё одним важным фактом является то, что записи церковных судов были в значительной степени недоступны. Некоторые фрагменты материалов были опубликованы в XIX – начале XX века, но большая часть записей, находящихся в епархиальных архивах, стала доступна ученым с 1950-х гг. Изучение церковных записей позволило историкам переосмыслить и скорректировать отношение к деятельности церковных судов.

Одним из первых, кто по-новому взглянул на церковное правосудие, был Р. Маршант. Он указал, что процедуры расследования, применяемые в церковных судах, были достаточно совершенными, а в некоторых аспектах превосходили процедуры общего права [19, р. 1-11, 243-245]. Р. Э. Хоулбрук пришёл к аналогичным выводам. Он, в частности, подчеркнул, что церковная судебная процедура была более быстрой, гибкой, недорогой и во многом понятной, чем представлялось раньше [14, р. 271]. Патрик Колинсон в своем труде показал, что церковные суды в XVI – начале XVII века оставались функционирующей и жизнеспособной системой [4, р. 62].

В монографии М. Ингрэма показано, что церковные суды в позднетюдоровской и раннестюартовской Англии играли важнейшую роль в регулировании семейно-брачных отношений и по вопросам нравственности. Он считает, что с учетом масштабов задач, которые стояли перед церковными судами, они действовали хорошо и эффективно, особенно если сравнивать с другими судами [15].

Особый интерес вызывает масштабное исследование Лоры Гоуинг, посвященное семейно-брачным отношениям и диффамации. Она, пожалуй, была одной из первых, кто использовал некоторые записи консисторияльного суда Лондона в своей работе [7].

Внимания заслуживает работа Р. Б. Аутуэйта, в которой он полномасштабно продемонстрировал деятельность церковных судов с начала XVI века до середины XIX века по всем значимым категориям дел. Аутуэйт убедительно доказал, что период с 1540-х по 1640-е гг. был временем расширения юрисдикции церковных судов, особенно по делам, связанным с десятиной, завещаниями и диффамацией. По мнению автора, только с 1640-х гг. идёт снижение количества судебных разбирательств в церковных судах [21, р. 17-22, 78-94].

Таким образом, можно заключить, что в современной британской историографии сложился иной подход к пониманию сущности и деятельности церковных судов в тюдоровской и раннестюартовской Англии.

Состояние и положение церковных судов в XVI – начале XVII столетия

Церковные суды в Англии в дореформационный период обладали обширной юрисдикцией по духовным и светским делам, что приводило к конфронтации с королевской властью и её системой судопроизводства. Наиболее известным противостоянием между английской короной и епископатом был конфликт с Томасом Бекетом, который отстаивал право суда над клириками по уголовным преступлениям в церковных трибуналах, но поплатился за это своей жизнью. В последующем английская корона применяла различные методы и стратегии по ограничению церковной юрисдикции [1]. Английской короне в позднее Средневековье удалось изъять дела по имущественным и финансовым спорам из-под церковной юрисдикции. Но несмотря на эти потрясения церковные суды вплоть до Реформации рассматривали значительную часть правоотношений, которые были плотно интегрированы в структуры повседневной жизни английского общества. Это были семейно-брачные дела, вопросы, связанные с наследованием и диффамацией, а также церковные вопросы, регулирующие жизнь английского клира.

Королевская политика первых Тюдоров по защите королевского суверенитета, а затем непосредственно сама Реформация подорвали статус канонического права, которое было запрещено преподавать в университетах с 1535 г. Это напрямую отразилось и на положении церковных судов. Р. Х. Хельмгольц выделил три периода, показывающих, что происходило с церковными судами на протяжении XVI и первой трети XVII века. Первый охватывает время с вступления династии Тюдоров на английский престол до начала королевской Реформации в 1529 г. Он характеризуется длительными нападениями на юрисдикцию Церкви и трансформацией юрисдикционных границ. Второй период длился со времён принятия реформационных статутов до 1570 г. Это было время спада активности и неуверенности в отношении будущего церковных судов. Третий, включающий вторую половину правления Елизаветы II и царствование Якова I, стал новым взлётом в деятельности церковных судов, характеризующимся расширением судебных тяжб, созданием литературы по английскому церковному праву и конфликтами с юристами общего права [11, р. 28].

Английские церковные суды не могли быстро оправиться после королевских нападков во время правления первых Тюдоров. Р. Э. Хоулбрук считает, что эти судебные органы до середины XVI века находились в состоянии подорванного доверия. Их активизация началась во времена правления Эдуарда VI и Марии I, а уже при Елизавете I вновь активно развернулась деятельность церковных трибуналов [14, p. 15-16]. Действительно, вторая половина правления Елизаветы I и царствование Якова I были временем, когда церковные суды в Англии переживали достаточно хорошие времена. Хотя они не обладали такой обширной юрисдикцией, как в дореформационной Англии, им удалось внести улучшения в юридическую практику и увеличить количество рассматриваемых дел. О последнем нам свидетельствуют некоторые статистические данные, опирающиеся на акты книги. Например, в консисториальном суде епархии Личфилда в 1529 г. было рассмотрено 81 дело. В 1590 г. их число достигло 204, увеличившись более чем на 150%. Суд консистории Солсбери в 1566 г. разобрал 92 дела, а в 1597 г. – 117 дел. В епархии Глостера в 1560 г. насчитывалось 112 дел, а к 1600 г. их число возросло до 163 [11, p. 43-44].

Необходимо понимать, что даже в царствование Елизаветы I и Якова I происходили наступления на юрисдикцию церковных судов. Суды общего права через статутное право получали полномочия по рассмотрению некоторых дел, которые когда-то исключительно принадлежали Церкви, как произошло, например, в Актах о ростовщичестве (13 Eliz. I, c. 8), родстве (18 Eliz. I, c. 3), лжесвидетельстве (5 Eliz. I, c. 9) и благотворительности (39 Eliz. I, c. 6). Хотя в этих статутах делались оговорки для церковной юрисдикции, что свидетельствует не о прямой угрозе. Но в долгосрочной перспективе положения в этих статутах работали на сокращение церковной юрисдикции [Ibidem, p. 53-54].

Кроме того, в этот период происходит усиление роли цивилистов, которые заняли прочные позиции в церковных трибуналах благодаря близости гражданского права с каноническим. Но это приводило к напряжению во взаимоотношениях между цивилистами и юристам общего права, а порой и к конфликтам. Поэтому для защиты церковной юрисдикции цивилисты писали трактаты. Одним из самых ярких произведений является труд сэра Томаса Ридли [23], в котором он приводит аргументы и, можно сказать, даже практические рекомендации по применению гражданского и церковного права в Англии.

Десятина

Судебные разбирательства по вопросу десятины стали чаще иметь место в церковных судах после Реформации. Например, Комиссарский суд в Кентербери в 1532 рассмотрел 13 дел по этому вопросу, а в 1575 г. – уже 49 [11, p. 91]. Возможная причина увеличения количества судебных разбирательств, связанных с указанным налогом, заключается в том, что судебные иски стали более прибыльными, чем когда-то. После принятия «Акта об истинной уплате десятины» (2 & 3 Edw. VI, c. 13) у истцов появилось больше шансов выиграть дело и получить возмещение. Проигравшая сторона обязывалась выплатить двойной размер десятины вместе с судебными издержками [27, p. 56]. Другой причиной судебных разбирательств можно назвать активизацию участия мирян, настаивающих на своих требованиях о десятине. Это подтверждает исследование Дж. С. Первиса, который на примере епархии Йорка между 1540 и 1560 гг. обратил внимание на рост судебных обращений со стороны мирян [22, p. VII-VIII]. Позднее У. Дж. Шейлс продемонстрировал, что в Йорке к 1611-1612 гг. судебных разбирательств по десятине было в 7 раз больше, чем в 1541-1542 г., в которых миряне всегда составляли большинство [24, p. 234-236]. Р. Б. Аузуйт данный рост связывал с инфляцией. По его мнению, средний уровень цен на сельскохозяйственную продукцию в 1520-1530-х гг. был на 50% выше, чем в первые два десятилетия XVI века. Особенно острой эта ситуация стала в 1540-1550-х гг. и продолжалась до 1640-х гг. [20, p. 10-15].

Согласно Р. Берну, десятины делятся на натуральные, смешанные и личные. Первые непосредственно связаны с землей: зерно всех сортов, сено, древесина, фрукты и т.д. Смешанные десятины налагались на домашний скот и сельскохозяйственную продукцию, сыр, молоко и др. Личная десятина выплачивалась за честный труд и усердия человека, занимающегося каким-либо личным трудом, искусством или переговорами. Она составляет десятую часть чистой прибыли после вычета сборов [3, p. 374-375]. Кроме того, десятину разделяли на большую (пшеница, сено и древесина) и малую (остальная продукция). Первая выплачивалась настоятелям церквей, а вторая – викариям. Уплата десятины время от времени вызывала напряженность и конфликты, которые были связаны не с тем, чтобы поддерживать местное духовенство, а с тем, что фермеры, например, не могли внести нужную сумму из-за неурожая. Возмущение также могло возникнуть из-за трудностей определения объемов уплаты, например, когда родилось 6 телят [21, p. 23-24].

Одной из распространённых причин судебных разбирательств была проблема определения границ области, подлежащей уплате десятины, как на примере ярдландов в Шарнфорде, которые принадлежали Клейбруку [25, p. 101]. Следует отметить, что социальные практики взаимодействия между приходским духовенством и мирянами не всегда были мирными. Очень ярко это иллюстрирует дело, произошедшее в 1636 г., когда Дэниел Кинг, настоятель Белтона, попытался проверить причитающиеся десятинные плоды некоего Джона Эррингтона, который сдал землю в аренду Джону Муру. Несколько дней спустя Кингу и Муру угрожали иском о нарушении прав владения. Две или три недели спустя Кинг попросил Мура и других свидетелей сопроводить его в дом Эррингтона, чтобы предложить ему оплатить 6 пенсов за нарушение. Группа подверглась словесным оскорблениям, в том числе заявлению о том, что Кинг был «болтливым дураком». Последовавшее за этим дело о клевете в Лестере показало, что Кинг был так расстроен, что не мог проповедовать в течение нескольких дней [Ibidem, p. 102].

Завещания и право наследования

В английской юридической лексике можно встретить интересное явление – юридические дублиеты. Они возникли с распространённостью французского и латинского языков в средневековой Англии. Ярким примером служит слово завещание (*will, testament*). В Средние века *will* и *testament* считались отдельными видами наследования. Как правило, под *will* подразумевалось наследование земли, а под *testament* – движимого личного имущества: рабочие инструменты, домашний скот, домашнее имущество, деньги и денежные обязательства. К середине XVI века происходит стирание семантических границ между *will* и *testament* [21, p. 33]. Но в юридической лексике дублирование этих слов оставалось.

Главными основаниями, по которым рассматривались судебные иски по завещаниям, были подделка документов, неудовлетворительное состояние наследователя или давление на него. Были жалобы на то, что люди уничтожали имущество до того, как было получено завещание, а также на то, что душеприказчики не выплачивали наследство.

Церковные суды по вопросам наследования испытывали большую конкуренцию как со стороны Суда Канцлера, так и со стороны судов общего права. Последствия этой конкуренции можно увидеть в том, что церковные суды к началу XVI века перестали рассматривать дела по наследованию долговых обязательств [9, p. 70-80]. Тем не менее по другим причинам количество разбирательств по завещаниям увеличилось в церковных судах в конце XVI – начале XVII века [21, p. 33].

Одним из средств защиты церковной юрисдикции по наследственным правоотношениям было возбуждение дела за неправомерное управление имуществом умершего – *causa temerariae administrationis bonorum*. Теория, лежащая в основе этого канонического средства правовой защиты, заключалась в том, что любое лицо, владеющее активами умершего, отказавшись выполнить его последнюю волю, обвинялось в незаконном распоряжении имуществом [18, p. 175]. Кристофер Китчинг показал, что епископы в период правления Елизаветы I в Прерогативном суде Кентербери вышли за рамки защитных мер. Они ввели «ужесточение судебных процедур», чтобы улучшить завещательную юрисдикцию церковных судов [16, p. 212].

На уровне диоцезов тоже предпринимались меры по защите церковной юрисдикции в области наследования. Например, в Норвиче епископ Джон Паркхерст в 1570-х гг. издал серию статутов, направленных на улучшение процедуры завещания. Среди них были наставления об осмотрительности в назначении управляющего имуществом умершего и установлен запрет для регистраторов, который заключался в том, что они могли ставить печать только с согласия и в присутствии судьи [14, p. 109]. Это были методы, чтобы избежать старой и трудной проблемы предоставления завещания нечестному душеприказчику.

Завещательная юрисдикция церковных судов в XVI-XVII веках подлежала существенным ограничениям, но всё ещё регулировала важные вопросы наследования. Церковные суды в это время практически не рассматривали дела, связанные с долговыми обязательствами, но имели право оценивать действительность или недействительность завещания, а также разбирать дела о некомпетентности душеприказчиков, основаниях составления завещаний и ответственности церковного судьи.

Диффамация

Церковные и светские суды на протяжении долгого времени конкурировали за диффамационные иски. В ходе этой конфронтации сложилась правовая теория разграничения исков по клевете, согласно которой в светском суде рассматривали дело, если оно было наказуемо в соответствии с общим правом, а если обвинение каралось церковным законом, то жалобу следовало подавать в церковные суды. Иными словами, когда один человек назвал другого вором или убийцей, то только светские суды могли рассматривать иск о клевете, потому что только они обладают юрисдикцией в отношении преступлений, связанных с воровством и убийством. Но судебная практика показывает, что в действительности не было такого чёткого разграничения. Особенно это проявлялось в случаях смешанной или множественной клеветы.

Основанием для жалобы в церковных судах часто была клевета сексуального характера. Мужчин в основном называли соблазнителями, прелюбодеями, блудниками, бастардами, носителями венерических заболеваний и рога носцами. Женщин называли аналогичным образом, но в подавляющей степени нарекали блудницами. Очень богатый список названий сексуальной клеветы приводит Лора Гоуинг [7, p. 66-67].

Часто к судебным разбирательствам по диффамации приводили соседские ссоры. Так, спор о перепутанном месте на скамье в церкви Оксфорда привел к тому, что жена фримена Барбара Николлес столкнулась с Марджери Хопкинс, предупредив её, что она сядет к ней на колени, если та не двинется с места. После этого конфликт усугубился тем, что Марджери называли блудницей, бастардом и подобными словами [21, p. 46].

Наказания за клевету были достаточно суровыми и носили публичный характер. Это хорошо иллюстрирует дело Уильяма Смита, когда в 1566 г. церковный суд постановил, чтобы он во время службы вошёл в приходскую церковь, держа в правой руке белый жезл, находящийся под кафедрой, и обратив своё лицо к людям, будучи с непокрытой головой, стоял так до окончания службы. Перед уходом людей из церкви У. Смит должен был подойти к скамье на то место, где сидит Хелен Браун, и, встав на колени, попросить у неё прощение в том, что клеветал на неё [15, p. 294].

Несмотря на притязания юристов общего права, которые в конце XVI – начале XVII века начали развивать уголовную юрисдикцию в отношении клеветы на том основании, что она может иметь крамольный характер, когда направлена против магистратов или представителей церковной иерархии [13, р. 305-306]. В консисториальном суде Честера количество исков о диффамации увеличилось в четыре раза за период с 1544 по 1594 гг., а объём дел вырос только вдвое. Подобная тенденция встречается и в консисториальном суде епархии Йорка, где количество судебных разбирательств по диффамации увеличилось почти втрое: с 60 исков в 1571-1572 гг. до 170 в 1591-1592 гг. [15, р. 299].

В большинстве случаев клевета и оскорбления были более или менее спонтанными вспышками. Часто клеветнические слова произносились, когда обе стороны дрались или ругались. Иногда напряженность между конфликтующими сторонами могла усилиться из-за дублирования иска в разных судах. Например, один из участников спора подал иск о диффамации в церковный суд, а другой – в светский. Кроме того, судебные разбирательства по диффамации дают нам информацию о длительности конфликта между ссорящимися сторонами. Диффамация могла произойти непосредственно в разгар самого конфликта, как, например, в деле Джейн Клерк в 1569 г., возникшем в результате недоразумения по поводу того, кто в каком порядке должен был постирать одежду. В результате этого жена Ричарда Черчера толкнула Джейн в воду вместе с её служанкой во время стирки одежды, а также назвала её непорядочной женщиной. Затем Р. Черчер вышел из своего дома и обвинил миссис Клерк в нечестивом поведении [5]. После этого последовал иск о диффамации. Аналогичный случай в момент спора произошел в 1585 г., когда Маргарет Рид подала иск на Ричарда Лейса, который назвал её блудницей из-за спора о покупке четверти баранины в магазине Томаса Бедилла в Ньюпорте (остров Уайт). Томас Бедилл в своих показаниях сказал, что Ричард Лейс произнес нечестивые слова поспешно и в пылу [6].

Важным событием в постреформационной судебной практике о диффамации было урегулирование вопроса о квалифицированной привилегии для церковных старост, которых могли обвинять в ненастоящих злоупотреблениях в силу их занимаемой должности. Согласно канону 115 из *Канонов 1604 г.* церковные и светские судьи предупреждались и увещевались не принимать жалобы на церковных старост, духовенство или других должностных лиц, которые заявляли о преступлениях в суд [26, р. 102]. Таким образом, должность церковного старосты показывала отсутствие злобы или нечестивого умысла, а сформированная презумпция освободила их от страха перед иском о диффамации, что позволило церковным судам избавиться от одной из самых неопределенных групп судебных разбирательств о диффамации.

Семейно-брачные отношения

В тюдоровской и раннестюартовской Англии церковные суды обладали исключительной юрисдикцией по матримониальным вопросам, что свидетельствует о преемственности средневековой практики. Р. Х. Хельмгольц отмечает эту преемственность в том, что брачные тяжбы в XVI-XVII веках выглядели так же, как и в Средние века, то есть эти тяжбы в большой степени касались вопросов, связанных с заключением брака, чаще, чем с вопросами расторжения [11, р. 70].

Серьезными проблемами, с которыми сталкивались церковные суды, были заключение тайных браков, сколькое различие между словами, которые давали согласие или предполагали согласие на заключение брака, оформление брачных контрактов, предоставление согласия на брак в шутке, а также различные дела, связанные с нравственными и моральными поступками, например, адюльтер.

Церковные суды, начиная с правления Елизаветы I, начали активно применять дисциплинарные методы к мирянам, которые были свидетелями или просто присутствовали на заключении тайного брака. Данный факт иллюстрирует дело, которое произошло в Или в 1604 г., когда один человек рассказал, что однажды он был в поле и услышал звон колоколов приходской церкви. Он пошёл в эту церковь из любопытства и оказался на брачной церемонии. Позже он оказался обвиняемым *ex officio* за незаконное участие в тайном браке. Дело закончилось тем, что в конце его оправдали [Ibidem, р. 71].

Одна из самых сложных групп дел по матримониальным правоотношениям были бракоразводные процессы и следовавшие за ними повторные браки. Церковь предпринимала попытки для предотвращения новых браков после разводов, например прямой запрет на повторные браки или требование внесения залога. Церковные суды не признавали разводы в современном понимании слова, но бывшие супруги могли вступить в другой брак, если им удавалось добиться аннулирования. В елизаветинскую и раннестюартовскую эпохи случаи аннулирования браков были редкими. Например, записи архидиаконства Чичестера за двенадцать лет выборки за период с 1580 г. по 1640 г. показали только два иска, которые имели место в 1602 г. [15, р. 172].

Интересно, что юристы общего права редко и достаточно неуверенно нападали на матримониальную юрисдикцию, так как они полагали, что разбирательства подобного рода традиционно принадлежат английским церковным судам. Но они были склонны вмешиваться в дела, связанные с выплатой алиментов для жён, которые получили развод *a mensa et thoro*. Важно отметить, что в Средние века алименты подразумевались как временная денежная мера, которая выплачивалась только в момент рассмотрения бракоразводного дела, но в последующем эта практика трансформировалась. Новшества в этой сфере можно найти в бракоразводном деле между Елизаветой и Джоном Файлдом в 1554 г., последний обвинялся в том, что пытался отравить свою жену. В силу этих обстоятельств епархиальный суд Глостера приказал Джону выплачивать денежное содержание вышеупомянутой Елизавете за еду и одежду в течение их настоящей совместной жизни: 8 пенсов в неделю. Такое положение дел приводило к жалобам в парламент на то, что наличие алиментов могло поощрять непослушное поведение жен

по отношению к мужу, но в последующем это стало стандартной практикой [8, р. 653]. Со временем суды общего права изъяли дела по алиментным обязательствам под свою юрисдикцию [11, р. 77-79].

В XVI – начале XVII века отмечается сокращение матримониальных разбирательств. Р. Маршант обнаружил, что в епархии Норвича было рассмотрено девять супружеских дел в период 1509–1510 гг. и только одно в 1623–1624 гг., в 1636 – 1670-х гг. не было обнаружено ни одного случая. В консисториальном суде Йорка ежегодно слушалось от 30 до 40 дел за три выборочных года между 1571 и 1592 гг., но это число упало до 4–7 дел в год за три выборочных года между 1626 г. и 1639 г. [19, р. 16, 20, 62]. Р. Х. Хельмгольц считает, что это сокращение было вызвано успехом Церкви в навязывании своего собственного видения идеального заключения брака, начиная со Средних веков. Это выражалось в том, что браком являлась публичная церемония, проводимая в церкви священником при свидетелях, что помогло избавиться от двусмысленности и уменьшить возникающие противоречия, выливающиеся в дальнейшие судебные разбирательства [10, р. 167]. М. Ингрэм, разделяя ту же позицию, писал, что «на протяжении веков всё шире признавался принцип, согласно которому церковный брак является единственным и удовлетворительным способом» [15, р. 193]. Возможный дальнейший толчок к таким тенденциям дало учреждение при Томасе Кромвелле в 1538 г. приходской регистрации крещений, браков и погребений [17, р. 276–277].

Как отмечалось выше, церковные суды рассматривали моральные и нравственные правонарушения, связанные с матримониальными отношениями. Так, в 1591 г. в Вудборо сообщалось, что «Генри Кантри был уложен в постель с Агнес Кантри до того, как они поженились», а в 1592 г. «Агнес Хеллиер по прозвищу Боудлер, жена Роджера Хеллиера, родила ребенка через месяц после свадьбы» [15, р. 223]. Исходя из записей судебных разбирательств, видно, что большинство таких дел касались вопроса добрачных сексуальных связей и составляли отдельную группу наказуемых дел.

Серьёзными сексуальными грехами, которые традиционно были предметом дисциплинарного преследования в церковных судах, были инцест, адюльтер и блуд. Для борьбы с этим *Каноны 1604 г.* требовали, чтобы церковные старосты предоставляли не только случаи «супружеской измены, блуда, инцеста», но также «любую другую нечистоту и греховность жизни» [26, р. 97–98]. Зачастую эти судебные дела были вызваны клеветой или сплетнями. Например, человек мог обвиняться в прелюбодеянии, если танцевал с кем-то, кто уже состоял в браке, хотя никаких связей между ними никогда не существовало.

Важно понимать, что церковные суды сформулировали идеалы и нормы морали, которые внедрялись в ткань общественной жизни на протяжении долгих столетий. Поэтому неудивительно, что церковные суды не только регулировали все аспекты семейно-брачных отношений, но и сыграли важную роль в создании и поддержании моральных устоев, в которых произошел сдвиг в сторону более строгих взглядов, ставших заметными в начале XVII века, вызвав реакцию со стороны мирян. Как отметил Кристофер Хилл, соблюдение такой навязчивой дисциплины было «постоянным источником раздражения» [12, р. 305].

Заключение

Таким образом мы приходим к следующим выводам. Во-первых, современные исследователи демонстрируют иную позицию по отношению к церковной юрисдикции в XVI – начале XVII века в отличие от их предшественников. Привлекаемые ими разнообразные источники показывают, что церковные суды в тюдоровской и раннестюартовской Англии были эффективной системой судопроизводства, а их методы разрешения споров были в некоторых вопросах более совершенными.

Во-вторых, несмотря на постоянные нападки со стороны юристов общего права и королевские ограничения церковные суды смогли не только увеличить количество разбираемых дел в своих трибуналах, но и продолжали оказывать существенное влияние на английское общество по различным вопросам в исследуемый период.

В-третьих, церковные суды сохранили предметную юрисдикцию и смогли изменить и разорвать некоторые связи со средневековой юридической практикой, например изменения в правилах развода и трансформацию в определении и разграничении диффамационных исков. Эти изменения были вызваны, с одной стороны, влиянием Реформации, формировавшей новую модель поведения человека, а с другой – вовлечением цивилистов в институты церковной юрисдикции, предпринимавших различные действия по её улучшению.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном анализе предметной юрисдикции церковных судов в тюдоровский и раннестюартовский периоды на основе малоизученных источников церковных судов, например, записей консисториального суда Лондона.

Кроме того, вектор будущих исследований связывается нами с изучением наследия английских цивилистов о церковной юрисдикции, что позволит более подробно раскрыть их идеи о развитии и структуре английского права, а также углубить наши знания о конфликте между корпорациями юристов.

Источники | References

1. Лазарев С. С. Способы ограничения юрисдикции церковных судов в средневековой Англии // Вестник Вологодского университета. Серия «Исторические и филологические науки». 2020. № 4 (19). С. 35–38.
2. Паламарчук А. А. Церковные суды в тюдоровской Англии: специфика и юрисдикция // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58). Ч. 2. С. 152–154.

3. Burn R. Ecclesiastical Law: in 4 vols. L.: H. Woodfall and W. Strahan, 1763. Vol. 2. 500 p.
4. Collinson P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559-1625. Oxford: Clarendon Press, 1982. 297 p.
5. Court Depositions of South West England, 1500-1700. Case 2: Defamation at the Water's Edge [Электронный ресурс]. URL: http://humanities-research.exeter.ac.uk/womenswork/courtdepositions/cases/Case2_HRO-21M65-C3-4.html (дата обращения: 06.04.2021).
6. Court Depositions of South West England, 1500-1700. Case 4: The Price of Mutton [Электронный ресурс]. URL: http://humanities-research.exeter.ac.uk/womenswork/courtdepositions/cases/Case4_HRO-21M65-C3-9.html (дата обращения: 06.04.2021).
7. Gowing L. Domestic Dangers: Women, Words, and Sex in Early Modern London. Oxford: Clarendon Press, 1998. 301 p.
8. Helmholz R. H. Canonical Remedies in Medieval Marriage Law: The Contributions of Legal Practice Founding // University of St. Thomas Law Journal. 2003. Vol. 1. P. 647-655.
9. Helmholz R. H. Debt Claims and Probate Jurisdiction in Historical Perspective // The American Journal of Legal History. 1979. Vol. XXIII. P. 68-82.
10. Helmholz R. H. Marriage Litigation in Medieval England. Cambridge: Cambridge University Press, 1974. 260 p.
11. Helmholz R. H. Roman Canon Law in Reformation England. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. 209 p.
12. Hill C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. N. Y.: Schocken Books, 1964. 520 p.
13. Holdsworth W. S. Defamation in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Law Quarterly Review. 1924. Vol. 40. P. 302-315.
14. Houlbrooke R. A. Church courts and the people during the English Reformation, 1520-1570. Oxford: Oxford University Press, 1979. 304 p.
15. Ingram M. Church Courts, Sex and Marriage in England, 1570-1640. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 412 p.
16. Kitching C. The Prerogative Court of Canterbury from Warham to Whitgift // Continuity and Change: Personnel and Administration of the Church of England / ed. by R. O'Day and F. Heal. Leicester: Leicester University Press, 1976. P. 191-214.
17. Kitson P. M. Religious Change and the Timing of Baptism in England, 1538-1750 // The Historical Journal. 2009. Vol. 52. № 2. P. 269-294.
18. Lyndwood W. Provinciale (seu constitutiones Angliae). Oxford: Excudebat H. Hall, Academiae typographus, impensis Ric. Davis, 1679. 588 p.
19. Marchant R. A. The Church under the Law: Justice, Administration and Discipline in the Diocese of York, 1560-1640. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 272 p.
20. Outhwaite R. B. Inflation in Tudor and Early Stuart England. L.: Macmillan, 1982. 60 p.
21. Outhwaite R. B. The Rise and Fall of the English Ecclesiastical Courts. 1500-1860. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. 212 p.
22. Purvis J. S. The Yorkshire Archaeological Society. Record Series Vol. 114: Select XVI Century Causes in Tithe / ed. by J. S. Purvis. York - L.: The Herald Printing Works, 1949. 179 p.
23. Ridley Th. A View of the Civile and Ecclesiastical Law. L.: Adam Islip, 1607. 230 p.
24. Sheils W. J. "The right of the church": The clergy, tithe and the courts at York, 1540-1640 // Studies in Church History. 1987. Vol. 24. The Church and Wealth. P. 231-255.
25. Tarver A. The Due Tenth: Problems of the Leicestershire Tithing Process 1560-1640 // Transactions of Leicestershire Archaeological and Historical Society. 2004. Vol. 78. P. 97-107.
26. The English Church Canons of 1604: With Historical Introduction and Notes, Critical and Explanatory, Showing the Modifications of Each Canon by Subsequent Acts of Parliament, etc., and Appendices on the New Canons of 1865, the Vestment Question, etc., etc. / ed. by C. H. Davis. L.: H. Sweet, 1869. 138 p.
27. The Statutes of the Realm. 1101-1713. Vol. 4. Pt. 1 & 2 / ed. by A. Luders, T. Tomlins. L.: Dawsons of Pall Mall, 1819. 1275 p.

Информация об авторах | Author information

Лазарев Сергей Сергеевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Lazarev Sergei Sergeevich¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ lazarevsergey01@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 06.04.2021; опубликовано (published): 31.05.2021.

Ключевые слова (keywords): церковные суды; юрисдикция; тюдоровская и раннестюартовская Англия; ecclesiastical courts; jurisdiction; Tudor and Early Stuart England.